

УДК 109 (075.8)

О. А. Моргун*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социальных наук
ГВУЗ «Криворожский национальный университет»***ИННОВАЦИОННЫЕ СИНЕРГОПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ**

Инновационный характер социальных процессов общественной модернизации и постмодернизации наиболее ярко проявляется в культурно-информационном развитии социума, его информационно-синергической и ноосферной трансформации. Социальные процессы при этом приобретают динамику синергопроцессов культурно-информационного развития с перспективой становления культурно-информационной общественной системы реального гуманизма. Феномен культурно-информационного развития общества большинство исследователей относят к явлениям Новейшего времени, а в более узком информационно-технологическом и коммуникативно-техническом аспекте массовых общественных соединений и телекоммуникаций – к феномену второй половины XX века. Наиболее наглядно подобное представлено мировой глобальной сетью в виде «паутины» Internet и возникновением мирового информационно-компьютерного социума. Однако пока нет удовлетворительного ответа на то, что реально происходит в современном обществе, какие метаморфозы и трансформации оно переживает в процессе своей модернизации и постмодернизации. Состоялся ли в силу закономерных причин и объективных предпосылок реальный «приход» нового «постиндустриального», «технотронного», «телематического», «информационного», рационально-интеллектуализированного «программируемого» общества? Что стоит за подобными дефинициями, есть ли за этими формальными определениями конкретное содержание и объективное значение, смысл и ценность для человека и всего социума.

Можно утверждать, что необходимая философская методология изучения культурно-информационного развития общества, которая охватывала бы как историческое бытие общества, так и новейшие общественные процессы, пока не создана. Как не разработана и соответствующая теория «информационного общества» в его базисных материальных и духовных основаниях. В то же время можно фиксировать значительное количество уже достаточно проработанных теоретико-методологических подходов и оригинальных концепций в их разных аспектах и контекстуализациях. Среди них социально-философский подход оказался менее всего разработанным в силу идеологических причин и философских позиций. Хотя именно социофилософская мето-

дология, как отмечают многие исследователи, особенно философы постмодернистского направления, есть, вероятно, наиболее плодотворной и эффективной. Поэтому крайне нужна постановка проблемы культурно-информационного развития общества именно в социально-философском аспекте.

Характер социокультурных трансформаций современного общества в направлении развития культурно-информационной общественной системы наиболее репрезентативно можно показать на субъект-объектных, структурных, управленческих трансформациях, а также на изменении социального качества общества вследствие его новой синергодинамики.

«Индивидуально-субъектная трансформация». В современном информационном обществе её можно увидеть в движении «субъектоцентрированного разума» к «коммуникативному разуму» интересубъектов. Как утверждает Ю. Хабермас, устанавливается «другая связь субъекта с самим собой», в чем преодолевается «раскол» между «сверхмировой позицией трансцендентного Я и внутримировой позицией эмпирического Я». Поэтому субъективная трансцендентальная философия вынуждена «приспосабливаться теперь к коду реконструктивных наук» и дискурсу коллективных коммуникаций. А «личностная тотальность» субъекта средствами «рациональной постконструкции» вынуждена теперь из «сферы интеллигибельного» направлять свои попытки «на методические знания, которые практически применяются», а именно: на «высказывания, которые методически правильно составлены», на «диалогически осуществляемую самокритику», «методическое осуществление самокритики», которая теперь должна интерпретироваться «в терминах теории коммуникативного психоанализа» [12, с. 302].

«Социально-субъектная трансформация». Она представлена изменением парадигмы социального общения «субъектоцентрированного разума» на «коммуникативное общение» с особым общественным «контр-дискурсом» коммуникаций. Это такое инновационное общение, при котором развивается способность к «самотематизации субъекта», «удвоение субъекта» в общении, переход от «инклюзивного» к «эксклюзивному» сознанию, от «модели самоотжествления разума» к новой «парадигме фи-

лософии сознания», от «логоцентризма» к «коммуникативному опыту» и «коммуникативной истине». В целом это переход от когнитивного к социогуманизированному общению, где «парадигма самосознания и самоотношения изолированного субъекта, в пределах которой он познает и действует, замещается на другую», на «парадигму взаимопонимания» как «парадигму интерсубъективной связи коммуникативно-социализированных и взаимопризнаваемых индивидов» [12, с. 290, 292–293]. В таком общении «мы начинаем понимать знание как коммуникативно опосредствованное, где рациональность утрачивает способность быть ориентиром для оценки участников интеракций, начинает ориентироваться на домогательства действительности, которые накладываются как интерсубъективное признание». Общение приобретает особенную «процедурную рациональность», в нем наблюдается «равноправная связь разных форм ориентации» на фундаментах «различных средств прагматичной логики аргументации» [10, с. 306–307]. На первый план выходит сам «язык общения», «языковые действия» вещания, «речевые влияния», в аспекте которых осуществляется переход от аналитических суждений к их коммуникативному использованию при общении в целях когнитивного обмена информацией. При коммуникативном общении «мы оставляем аналитический уровень суждений и предложений и продолжаем анализ речевых действий в плоскости коммуникативного использования «приложений» в трех «фундаментальных функциях вещания»: пропозициональной, иллокутивной функциях («акцентуализация межперсональных связей на фундаменте взаимотребований интерсубъектов») и функции интенциональности коммуникаторов в форме их речевых высказываний.

«Структурная трансформация общества». Она осуществляется на основе общественной социокультуры и приводит к изменению всего характера общественных отношений, социальной интерсубъективности, коммуникативной интерактивности и организации общества. Инновационная «структурная парадигма» выстраивается, как и при других видах трансформационных изменений, на «коммуникативном разуме» интерсубъектов, когда снимаются «дихотомии теоретического и практического разума» (трансцендентального и эмпирического) и происходит их объединение в стратегическое действие единственной и целостной «коммуникативной рациональности». Она представлена «общим переживанием МЫ», которое возникает в «культуре дружбы» в виде «необратимости откровения» интерсубъектов. Это проявляется в понимании «соотношения близости и дистанции», во взаимосимпатиях и «стабильности дружбы», в «ощущении

личной честности» и предупреждении «эгоистичной коммуникации» («тирании интимности» в интеракциях), в непосредственности «рациональной коммуникации» и ее «симметричности» для коммуникативных субъектов, что понимается как равнозначность и смыслоподобность [1, с. 77, 91–95]. Общество выходит из обезличенного состояния деперсонифицированной «социальной системы» и превращается в «коммуникативную среду», состоящую из активно взаимодействующих «жизненных миров» людей. По Н. Луману, в абстрагированной «социальной системе» действует «принцип эго», «самости», который является характерным для всех субъектов. Социальная система автоматически настраивает их на эгоцентризм и «субъектоцентризм», резко ограничивая личностные проявления в «дружественной коммуникации». Но как только социальная система становится в «самотоотношение самости», она превращается в «централизованную систему», работающую исключительно на себя, а не на людей и их потребности [15, с. 629–630]. Совсем по-другому ведет себя инновационная «коммуникативная система», которая самоорганизуется по «человеческим принципам» дружественного общения.

«Коммуникативная система» – это «система-среда», в которой гарантированно обеспечивается ее замкнутость и одновременно открытость к социальной среде («жизненным мирам» людей) не через центр, а путем его «подключения» к периферии. Но подобное относится только к тем социальным системам, которые достигли высокого уровня общественного развития, в частности социокоммуникативной самоорганизации, когда возникает способность к «автопойезисному самопродуцированию» и коммуникативная система «самоустраивает» себя полностью и в неразрывной связи со своей социальной средой, социальным «окружающим миром» [15, с. 630]. Такую систему, по мнению Н. Лумана, можно исследовать с математической точностью как «дифференциальное общество». Познание в нем осуществляется через знание общества самого себя, «самознания», через его самопрезентацию не в «ядре общества», а во всей его «окружающей тотальности». Тогда коммуникативная система трансформируется в «когнитивное сообщество» людей, в котором практически возможной становится «групповая идентификация» самых разных видов человеческих «жизнедеятельных миров» в формах гражданской самоорганизации. По Н. Луману, в подобном обществе личностную «философию субъекта» нужно заменить на такую, которая «вплетается» в сам общественный процесс, и она превращается в «практическую философию». Принцип «общественной дифференцированности» и «общественного дифферен-

цирования» используется для достижения новой «общественной рациональности» в виде «когнитивной рациональности» [15, с. 654]. Хотя Н. Луман не признавал концепцию «коммуникативной интерсубъективности», он все же придерживался взглядов Ю. Хабермаса на то, что в интерсубъективной «коммуникативной рациональности» представлена такая «самопрезентация общества», в которой «сферы общественности» можно понимать как «сферы интерсубъективности высшего уровня». Это «более высоко агрегированная общественность», где «артикулируется» (провозглашается) высокая «коллективная идентичность» и представляется высокоразвитое общественное сознание в качестве коммуникативного сознания [12, с. 367]. В подобном обществе становится вполне возможным неревolutionное и даже «антиrevolutionное» социальное развитие. Revolutionным путем изменяются лишь «парадигмальные основы» науки, в которой «интеллектуальная ортодоксия» трансформируется в инновации, а в общество привносятся не revolutionные действия, а только когнитивное знание. Оно и саморепрезентирует себя для креативно-предметной реализации. «Парадигмальные разрывы и сдвиги» осуществляются на основе введения инновационных «парадигм, которые сверхобобщают», используя для этого не только исторические, но и «парадигмальные языковые закономерности» [2, с. 8–9]. То есть, формируется новый (инновационный) интеллектуальный дискурс истории на основе «парадигмы сверхобобщения» или такое когнитивное знание, которое непосредственно вплетено в социальную ткань общества и его коммуникативную инфраструктуру. При этом изменяется сама структура власти, вся система общества и его социополитическое устройство.

Подобное представлено как «управленческая трансформация» информационного общества на почве социокультуры. Трансформационная «парадигма сверхобобщения» презентована культурно-информационными синергопроцессами, которые ведут к установлению социогуманитарной «власти знания». В таком предикате она предстает как власть «внеэкономическая», «постэкономическая», потому что ее социальные, культурные и духовные измерения не поддаются прямому экономическому подсчету, также как и расчету ее политического функционирования в гражданском обществе с его уникальными «жизненными мирами» людей. Приход «суперсимволической экономики» в качестве «новой системы создания материальных ценностей изменяет и власть, и ее стиль». В обществе устанавливается «свободный поток знания», а его первичной социально-экономической «клеточкой» становится «знание – власть – знание» [11, с. 48, 213, 218].

В системе общественного производства «компьютеризованное оборудование замещает человеческий труд, оно заменяет также и капитал с альтернативной позицией «знания против капитала». Знания сами становятся капиталом: интеллектуальным, социальным, культурным, информационным. Подобным образом «капитал и деньги сегодня переходят в знание». Труд изменяется тоже, становясь все более зависимым от манипуляций символом. И капитал, и деньги, и труд – все движется в одном направлении, к революционным изменениям самой основы экономики. Она становится сверхсимволической экономикой. Поскольку ослабляется необходимость в сыром, необработанном материале, труде, времени, пространстве и капитале, знание становится основным источником развития экономики, поэтому «ценность знания необычайно растет» и главной целью власти становится «контроль над знанием» [11, с. 120–121].

Управление в обществе становится коммуникативным, но при сохранении политической системы оно предстает в виде «властного контроля» над коммуникациями. «Коммуникативное общество» становится «постструктуральным», а его стратификационная социальная структура перестает быть репрезентативной, то есть социально-экономический критерий классового разделения общества становится непредставительным в условиях «посткапитализма», приоритетности интеллектуального и социального капитала. «Коммуникативная модель» нового общества представляет его как такое «социальное содружество», в котором совершается трансформативный переход к инновационным знаково-смысловым системам общения: от простой символической денотации того, что есть в наличии, определенного класса «вещей, которые существуют в действительности и постигают этим представлением», к коннотации, определяющей «совокупность качеств» этого «класса вещей» [14, с. 49]. Знаково-описательная экстенсивность понятий в коннотации изменяется на «интенсивность понятий». Вместо существующих «знаково-символических структур» и их символических рубрикаций возникают ценностно-смысловые общественные структуры, которые распространяются и на политическую власть, и на всё социальное управление в обществе. Оно начинает осуществляться не путем политически-силового воздействия, а через семантические «код-структуры», которые в системе культуры определяются как «культурные коды» [14, с. 210]. Они призваны «упорядочить универсум культуры» на основе «эпистемологических моделей» деятельности, поведения и ценностей. Подобным образом и формируются «постструктуральные», «невидимые», «отсутствующие», эпистемологи-

ческие, феноменологические, семиологические, генетические, лингвистические и в целом «культурные структуры» и «структуры детерминации», а также их «срединные образования» или «бинарные структуры» (по Ж. Лакану), формирование которых было нами ранее показано. При этом могут формообразовываться и особенные «структуры порождения», которые в своей основе также являются «бинарными». Они обусловлены и задаются самим «структурным мышлением» человека, которое изначально занято «созданием истории, созданием новых разновидностей коммуникаций, что и предстает первичными и предустановленными структурами» [14, с. 404–405]. По К. Леви-Строссу, они могут становиться структурами «серийного дискурса», а именно: а) представлять как «творческая способность творить по правилам», то есть “competence”, или «компетенциальная структура», которая ориентирована на функциональное творчество; б) представлять как «способность творить, превращая правила», то есть “performace”, или «перформансная структура», в которой больше представлены социокультурные начала [6, с. 48–49].

Все вышеизложенные структуры развиваются в едином «семиотическом пространстве культуры» и потому сводятся к определенным «формам социальной коммуникации», к коммуникативным процессам, которые «порождают новую информацию». Это позволяет добиваться постоянного «увеличения количества культурных смыслов», «переориентации членов данного общества на новые цели», «формировать все больше универсальных знаковых конструкций», таких инновационных «знаков, которые обеспечивают межкультурное общение», новое и все более сложное «перечисление культурных смыслов» [8, с. 114]. По Г.Г. Гадамеру, от «смысла-в-себе», который находится в пределах «спекулятивной структуры» ортодоксального «догматичного интерпретатора», к культурному «смыслу-для-всех» во всей универсальности его социальных разновидностей [58 с. 437]. Таким путем на место «отсутствующей структурности», «постструктуральности» в действительности устанавливается «сверхструктурированная» социальная реальность, «сверхструктурированное общество» в средствах коммуникации, ценностях, смыслах, значениях, когнициях, способах самореализации, интенциях и «постструктурных инновациях». Это «сверхбольшая» и «сверхсложная» структура, которая и инициирует возникновение и развитие культурно-информационных синергопроцессов. При это прежняя структура знаний «реструктурируется», а новая структура знаний может становиться компьютерно-сетевой, сверхбольшой и мегасложной сетевой «сверхструктурой». И тогда сама власть попадает в зависимость

от инновационного знания. В современном глобализованном социуме она превращается в «информационно-сетевую» власть «компьютерного контроля» над обществом. Но при этом в условиях посткапиталистической системы «информационализма» она не отказывается от насилия и действует по схеме: «насилие – благосостояние – знание» [11, с. 512–514]. Хотя изменяется социальное качество информационного общества, которое социокультурно трансформируется и становится культурно-информационной системой.

Трансформация социального качества информационного общества. Подобные качественные изменения выявляются не только в его коммуникативной организации и коммуникативном управлении, но и в таких «исходных моделях коммуникации, что влечет за собой появление «общих коммуникационных технологий XXI века», качественное изменение всего социального мира людей в пространстве «современность – постсовременное будущее» [9, с. 27]. Изменяется сама модель «линейного развития» общества в условиях резкой интенсификации коммуникативных интеракций и когнитивных взаимодействий и утверждается «инновационная модель» с «нелинейным развитием» и действием законов социокommunikативной самоорганизации. Это нелинейная социодинамика коммуникаций, которые «усиливаются» их самоорганизацией за счет интенсивности интеракций, их смысловой и «когнитивной нагрузкой» социокультурного развития, превращением общества в «сверхбольшую систему» «жизненных миров» людей с особенной «групповой динамикой» и «сверхструктурностью». Это культурно-информационная мегасистема, в которой феноменологически возникает «постсовременность» с синергическим качеством самоупорядочивания. Мегамножественность коммуникативных и когнитивных действий и креативных взаимодействий трансформируется в интегральную синергокоммуникацию. Регресс большого количества нереализованных возможностей, личных и коммуникативных нереализаций может порождать «диссипативные структуры» социальной жизни, турбулентии, бифуркации и распад прежних форм социального бытия. Но они могут инновационно трансформироваться, совершать позитивную инверсию (периодически-фазовый переход) в креативно-синергическую реальность более высоких уровней (и мерностей) бытия. «Креативная реальность», которая возникает, по своей природе появляется как «социосинергическая реальность». Синергический эффект выявляется в том, что, в результате инновационно-культурного характера функционирования информации в обществе, ее коммуникативно-когнитивной трансляции на «тонкие» структурные элементы культурной си-

стемы («жизненные миры» и «жизнедеятельные содружества»), эти «культуроэлементы» и «креатоэлементы» (культурокоды и креатокоды) начинают интенсивно взаимодействовать и коммуницировать в усиленном режиме. Они входят к интеракции, которые раньше не были им присущи: ценностно-стимулирующие, интересубъективно-герменевтические, смыслообразующие, семиологические, экзистенциально-ценностного выбора и ценностной детерминации опредмечивания в когнитивных практиках и на основе креативной самореализации.

Структурные элементы культурной системы приобретают свойства, которые ранее им были не присущи: «коммуникативная сфера общения», «коммуникативная общность», «креативная корпорация», «корпоративная культура», «когнитивное сотрудничество», смыслы, другие значения, детерминации и коды. Вместе с этими новыми свойствами возникает и поэлементная качественная определенность культурной системы уже как социокоммуникативной синергоорганизации: «личность – система», «элемент – система», «многоаспектная целостность», в которой непрерывно «конвергируют, сближаются все эти «аспекты», приобретая все более высокую корпоративную культуру» [13, с. 17]. Ее представляет синергическое качество социальной самоорганизации, социетальности, «эффект эффектора» и эмерджентности [7, с. 132]. В обществе подобная социальная инновация представлена трансформативными разновидностями общественного коммуникативного дискурса.

Новый характер коммуникативных взаимодействий и информационных процессов в обществе требует своего рассмотрения в контексте духовно-мировоззренческих трансформаций в социальном общении людей, развития их коммуникативных сил на основе нового типа социокоммуникативных общественных отношений, связанных с коммуникативным обменом информацией, культурными достижениями и творческими способностями интересубъектов. На этом пути происходит формирование как нового общественного коммуникативного мировоззрения на основе человеческого взаимопонимания, так и новых социокультурных институтов общества. Для репрезентации подобных общественных инноваций, конечно, нужна теоретическая разработка соответствующего социологического подхода к демократическим преобразованиям в обществе, необходимых теоретико-методологических основ для понимания характера мировоззренческих трансформаций в украинском обществе.

Так, новый характер общественных коммуникаций и информационного обмена, практически влияющий на интенсивность и плотность информационно-коммуникативных взаимо-

действий в обществе, может существенно повысить творческую активность и интеллектуальный потенциал всей общественной системы, целенаправленно развить ее мировоззрение в качестве духовно-информационного базиса за счет освоения передовых информационно-коммуникативных технологий, ориентированных на расширенное воспроизводство социального капитала.

Литература

1. Гьосле В. Практична філософія в сучасному світі / В. Гьосле. – К. : Лібра, 2003. – 216 с.
2. Дугин А. Эволюция парадигмальных оснований науки / А. дугин. – М. : Арктогея-центр, 2002. – 418 с.
3. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
4. Капица В.Ф. Социальная синергетика культурно-информационного общества / В.Ф. Капица // Статий розвиток гірничо-металургійної промисловості 2006. – Кривий Ріг : Мінерал, 2006. – 156 с.
5. Капица В.Ф. Соціальна філософія культурно-інформаційного розвитку / В.Ф. Капица. – Кривий Ріг : Мінерал, 2012. – 479 с.
6. Леви-Стросс К. Семиотика и искусствоведение / К. Леви-Стросс. – М., 1972.
7. Нагорний Н. Соціологія управління: пошук відповідностей на виклик часу / Н. Нагорний // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2001. – № 1.
8. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / под ред. Г.Л. Тульчинского. – СПб., 2000. – 470 с.
9. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-Бук, Веклер, 2002. – 352 с.
10. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации / А.В. Соколов. – СПб. : Изд. В.А. Михайлова, 2002. – 461 с.
11. Тоффлер А. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / А. Тоффлер. – М. : АСТ, 2001. – 670 с.
12. Хабермас Ю. Філософський дискурс модерну / Ю. Хабермас. – К. : Четверта хвиля, 2001. – 423 с.
13. Хаэт Г.Д. Корпоративная культура и ценности человека / Г.Д. Хаэт. – Краматорск : ДГМА, 2001. – 403 с.
14. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : Петрополис, 1998. – 422 с.
15. Lukmann N. Soziale System / N. Lukmann. – Frankfurt am M., 1987.

Анотація

Моргун О. А. Інноваційні синергопроцеси культурно-інформаційного розвитку. – Стаття.

У статті розглядаються інноваційний характер соціальних процесів суспільної модернізації в культурно-інформаційному розвитку соціуму й синергодинаміка соціальних трансформацій. Характер соціокультурних трансформацій сучасного суспільства репрезентативно поданий на суб'єкт-об'єктних, структурних і управлінських трансформаціях.

Ключові слова: синергетика, культурна система, культурикод, комунікативні система, соціокультурна трансформація, синергодинаміка.

Аннотация

Моргун О. А. Инновационные синергопроцессы культурно-информационного развития. – Статья.

В статье рассматриваются инновационный характер социальных процессов общественной модернизации в культурно-информационном развитии социума и синергодинамика социальных трансформаций. Характер социокультурных трансформаций современного общества репрезентативно представлен на субъект-объектных, структурных, а также управленческих трансформациях.

Ключевые слова: синергетика, культурная система, культурный код, коммуникативная система, социокультурная трансформация, синергодинамика.

Summary

Morhun O. A. Innovative synergoprotseesy cultural and informational development. – Article.

The article deals with the innovative character of social processes the public modernization in the cultural and information society development and social transformation synergodinamika. The nature of sociocultural transformations of modern society is representative presented at the subject-object, structure and also managerial transformations.

Key words: synergetics, cultural system, cultural code, communicative system, social and cultural transformation, synergodinamika.